

Е. Е. Стефанский

КОНЦЕПТ ‘СОВЕСТЬ’ В РУССКОЙ, ПОЛЬСКОЙ И ЧЕШСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье исследуется лингвоспецифичность концептов, обозначающих совесть, в трех славянских лингвокультурах. В русской лингвокультуре совесть оказывается чем-то внешним по отношению к душе и телу человека, идущим в конечном счете от Бога. В польской и чешской лингвокультурах это более рациональное чувство, которым можно управлять.

CONCEPT "SOVEST" ("CONSCIENCE") IN RUSSIAN, POLISH AND CZECH LINGUISTIC CULTURES

The article investigates special linguistic features of concepts, which denote conscience in three Slavonic languages. In Russian linguistic culture conscience is external to the body and the heart of a person and the God is a source of conscience. In Polish and Czech ones conscience is more rational feeling, which can be directed.

Еще в эпоху праславянского единства в славянских лингвокультурах сформировались такие этические концепты, как 'срам' и 'стыд' как регуляторы прежде всего полового поведения индивида. Со временем слова, обозначающие эти понятия в славянских языках, эволюционировали к значению 'позор'. Понятие о позоре и его вербализация происходит, по-видимому, значительно позже: в эпоху распада праславянского единства или даже в период самостоятельного развития славянских языков. Стадиально этому времени у славян соответствует период военной демократии и ранней государственности. Очевидно, именно в это время происходит формирование личностного сознания и выделение личности из общества. В это время, по словам В. В. Колесова, «стыд человека (его самоосуждение) вошел в противоречие с осуждающей злобой окружающих, не всегда справедливой и честной»¹. Позор стал, с одной стороны, своеобразным вызовом, агрессивной реакцией формирующейся личности на обязанность стыдиться перед обществом, а с другой — способом наказания взбунтовавшейся личности со стороны социума.

Средством гармонизации отношений между все более обособлявшейся личностью и обществом стала *совесть*. Слова, обозначающие это понятие в славянских языках, являются кальками. Так, ст.-сл. *съвѣсть* калькировано с греч. *syneidos* 'совместное знание, сознание' и было заимствовано в большинство языков Slavia Orthodoxa. Латинская калька упомянутого греческого слова, выглядевшая как

conscientia, стала основой для возникновения соответствующих лексем в языках Slavia Latina. В чешском и словацком языках при калькировании был использован (как и в слове *совесть*) корень **věd-* (см. чешск. *svědomí*, словацк. *svedomie*), тогда как в польском — тот же корень, что и в русск. *мнение*, *сомневаться* — **тъп-* (см. польск. *sumienie*)².

Итак, русск. *совесть*, чешск. *svědomí* и польск. *sumienie* — это буквально 'совместное знание, совместное мнение'. Рассматривая концепт совести в русском языке, Н. Д. Арутюнова подчеркивает: «*Сознание* не просто *сознает*, но, сознавая, оно *судит* и *осуждает*. В нем присутствует система норм, с которой человек соотносит свои действия — предстоящие или уже совершенные. Приобретая судебскую функцию, *сознание* становится *совестью*» (курсив автора. — Е. С.). По словам исследовательницы, *совесть*, в отличие от сознания, активна, поскольку диктует человеку действия и поступки и наказывает за неподчинение³.

«У человека, — писал М. М. Бахтин (1979: 312), — нет внутренней суверенной территории, он весь всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит *в глаза другому* или *глазами другого*»⁴ (курсив автора. — Е. С.). Рефлексия по поводу границы (приличий, морали, допустимого и т. п.) — одно из важнейших свойств человека, испытывающего муки совести. См., например, в повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка»:

Лиза его не слушала. Она в мыслях повторяла все обстоятельства утреннего свидания,

весь разговор Акулины с молодым охотником, и **совесть** начинала ее **мучить**. Напрасно возражала она самой себе, что беседа их **не выходила из границ благопристойности**, что эта шалость не могла иметь никакого последствия, **совесть** ее **роптала громче** ее **разума**. Обещание, данное ею на завтрашний день, всего более **беспокоило** ее: она совсем было решилась не сдерживать своей торжественной клятвы. (Пушкин)

В. В. Колесов подробно анализирует историю слова *совесть* в древнерусском языке, проследивая процесс превращения 'совместного знания' в 'самосознание', регулирующее человеческую нравственность. Исследуя размышления о стыде, сраме и совести в трудах аскета Нила Сорского, датированных XV в., ученый отмечает: «Совесть совмещает в себе сразу и стыд, и срам, это — слияние субъект-объектных отношений, при котором человек одновременно и субъект нарушения нормы, и судья»⁵.

Стадиально понятие совести выработалось в позднем христианстве. Не случайно Кирилл и Мефодий переводили греческое *syneidos* словом *обычай*, который и был регулятором нравственности в родовом обществе, а в Библии это понятие появляется лишь в Новом Завете, в Посланиях Ап. Павла⁶.

Таким образом, совесть неизбежно соотносится с христианской *верой*. Совестьливый человек ищет гармонии между личными амбициями и общественным благом, беседуя с Богом и собственной душой, не даром, согласно пословице, приводимой В. И. Далем, *Добрая совесть — глас Божий*⁷.

Показателен в этом отношении фрагмент романа Г. Сенкевича «Огнем и мечом». Герой романа князь Иеремия стоит перед нелегким нравственным выбором: захватить на волне собственных военных побед власть в Речи Посполитой или во имя спокойствия на родной земле подчиниться законам. Князь испытывает множество противоречивых эмоций, среди которых доминируют различные виды страха:

Часовые на збаражских стенах оповестили полночь, а Иеремия все еще продолжал разго-

варивать с Богом и с собственной великою душою. Разум, **совесть** (*sumienie*), любовь к отечеству, гордость, ощущение своего могущества и великих предназначений боролись в груди его и вели меж собой упорную схватку, от которой разрывалась грудь, раскалывалась голова и боль раздирала все тело <...> Что означает **тревога** (*niepokój*) эта, бесстрашную грудь его содрогающим **беспокойства** (*trwogi*) некоего охватывающая? Что означает — тогда, как он самым отчетливым и убедительным образом доводит себе, что обязан принять власть, — чей-то шепот, в безднах **совести** (*sumienia*) его нашептывающий: «Обольщаешься! Гордость тобою движет, сатана гордыни царства тебе сулит!»? <...> О! Это же кичливость и амбиции магнатов, это же самоуправство, это своеволие тому причиной. Опаснейший враг — не Хмельницкий, но внутренний беспорядок, но своеволие шляхты, но немногочисленность и расхлябанность войска, горлодерство сеймов, дрязги, раздоры, неразбериха.

После долгих и мучительных раздумий князь, наконец, принимает решение и объявляет о нем своим соратникам:

— Милостивые государи! — сказал он. — Нынешней ночью **я вопрошал Бога и собственную совесть** (*rozmawiałem z Bogiem i własnym sumieniem*), как мне надлежит поступить. Посему объявляю вашим милостям, а вы оповестите рыцарству, что ради блага отечества и согласия, обязательного для всех в годину бедствий, я отдаю себя под начало региментариев.

Совесть, таким образом, как срам, стыд и позор, вызывает в человеке страх. Иногда это страх смерти, наказания, как в пословице *У кого совесть не чиста, тому и тень кочерги — виселица!*⁸ и в приводимом ниже отрывке из романа «Огнем и мечом»:

Однако **страх** пока еще умерял жажду крови и убийств. Покамест лишь дурным предзнаменованием на будущее можно было почесть то, что даже в деревеньках, где крестьяне не подались до сих пор к Хмелю, они разбегались при подходе княжеских войск, словно **опасаясь**, что **страшный** князь прочитает в их глазах все, что подспудно лежало на их **совести**, и **накажет**, чтобы впредь неповадно было. — *Wszelako strach panował jeszcze nad głodem krwi i mordem. To tylko za złą wróżbę na przyszłość poczytanym być mogło,*

że w tych nawet wioskach, w których chłopci nie puścili się dotąd do Chmiela, uciekali za zbliżaniem się wojsk książęcych, jakby w *obawie*, by im *straszny* kniaź z twarzy nie wyczytał tego, co w *sumieniach* się kryło, i z góry nie pokarał. (Сенкевич)

Однако со временем внешний страх начинает противопоставляться совести как внутреннему регулятору нравственности, как в поговорке *Не за страх, а за совесть*. Именно совесть концептуализируется в сопоставляемых языках как некое существо, которое *грызет, пожирает, мучит, упрекает, отчитывает* (см. русск. *угрызения совести*, *совесть замучила*, чешск. *výčitky svědomí* 'упреки совести', *svědomí žere* 'совесть пожирает', *svědomí trápi* 'совесть мучит', польск. *sumienie gryzie, trapi, dręczy* 'совесть грызет, огорчает, мучит') и даже вызывает появление прыщей (см. польск. *wyrzuty sumienia* 'угрызения, букв. прыщи, совести').

Именно поэтому совесть вызывает у человека внутренний страх:

«Осмелюсь доложить, господин майор, когда я хвачу лишнее, то всегда чувствую *внутри* какое-то *беспокойство, страх* и *угрызение совести*». — Poslušně hlásím, pane major, že když přetahnu, pocít'uju v sobě vždy jakejsi *nepokoj, strach*, a *výčitky svědomí*. (Гашек)

Этот страх оказывается особенно сильным, если человек, рефлектируя по поводу границы морали, осознает, что преступил ее:

Раскольников, убивший топором старуху-процентщицу, сознавал, что перешагивает *страшный порог*, <...> [он] не в силах был совладать со *страшной* бурей *угрызений совести*. — Raskolnikov, který zabíjel sekerou starou líchvářku si uvědomoval, že překračuje *strašlivý práh*, <...> nebyl s to zvládnout *strašlivou* bouři *výčitek svědomí*. (Кундера)

Яркой особенностью русского языка на фоне чешского и польского является возможность образования от слова *совесть* предикатива *совестно*. По справедливому замечанию Анны А. Зализняк, он позволяет «представить участие совести в процессе принятия решения и в оценке собственных действий как состояние самого действующего субъекта»⁹. Как и в любом русском без-

личном предложении с категорией состояния, фразы типа *Ему стало совестно* передают процесс нравственного выбора как идущий от некоей непознанной сверхъестественной силы, в конечном счете, — от Бога.

Поскольку в польском и чешском языках подобные предикативы отсутствуют, на месте русск. *совестно*, в параллельных текстах чаще всего употребляются предикативы с корнем, обозначающим 'стыд': глаголы типа польск. *wstydzic się*, чешск. *stydět se* 'стыдиться', а в польских текстах, кроме того, слово *wstyd* в предикативной функции, семантически соотносящееся с русск. *стыдно*:

Лизе было *совестно* показаться перед незнакомцами такой чернавкою; она не смела просить... она была уверена, что добрая, милая мисс Жаксон простит ей... (Пушкин). — Líza *se styděla* objevit před neznámými hosty snědá jako cikánka; neopovážila se prosit... byla přesvědčena, že dobrá, milá miss Jacksonová jí odpustí atd.

— Мне просто *совестно* было бы брать деньги от такой особы, что возвращается из эмиграции, — отвечал он на все мои уговоры.

— Ja bym *się wstydził* brać od takiej osobe, co migracje wraca — odpowiadał na wszystkie moje zakłęcia. (Прус)

Ромашову показалось, что она [Шурочка] смотрит прямо ему в глаза. У него от испуга сжалось и похолодело сердце, и он поспешно отпрянул за выступ стены. На одну минуту ему стало *совестно*. Он уже почти готов был вернуться домой, но преодолел себя и через калитку прошел в кухню. (Куприн) — Romaszowowi wydało się, że Szuroczka patrzy mu prosto w oczy. Serce ścisnęło mu się z przerażenia i pośpiesznie odskoczył za występ sciany. Przez chwilę było mu *wstyd*. Już prawie gotów był wrócić do domu, ale przemógł się i przez furtkę skierował do kuchni.

Такая возможность замены *совестно* на лексемы со значением 'стыдно' или 'стыдиться' объясняется тем, что как совесть, так и стыд осуждают действия, противоречащие нормам морали. С другой стороны, как отмечает А. Зализняк, если речь идет об ущербе, нанесенном другому человеку, *совестно* может сближаться с предикативом *неудоб-*

но. Более того, по словам исследовательницы, в русском языке рубежа XX–XXI вв. «в такого рода контекстах *неудобно* постепенно расширяет сферу своего употребления, вытесняя собой *совестно*»¹⁰. Именно

в подобных контекстах в чешском и польском языках русскому *совестно* соответствуют обычно не слова с семантикой стыда, а другие лексические средства. Ср., например:

В русских текстах	В польских и чешских текстах
<p>Вокульскому стало совестно, что такая просьба несколько дней пролежала без отклика. Ср.: <i>Вокульскому стало неудобно...</i></p>	<p>Wokulskiemu przykro się zrobiło, że podobna prośba kilka dni czekała na odpowiedź. (<i>Прус</i>) Букв. <i>Вокульскому сделалось неприятно, досадно...</i></p>
<p>– Странная история, – задумался капитан Сагнер. – Почему вы все время, Швейк, подталкиваете к нам Кунерта? – Осмелюсь доложить, господин батальонный командир, обо всем следует рапортовать. Он глуп, ему господин лейтенант Дуб набил морду, а ему совестно одному идти с рапортом. Ср.: <i>Ему неудобно одному идти с рапортом.</i></p>	<p>“Tohle je divná záležitost”, řekl hejtman Ságner, “proč sem strkáte, Švejku, toho Kunerta”. “Pošlusné hlásím, pane batalionskomandante, že všechno musí jít po raportu. Von je pitomej, von byl zřackovanej panem lajtnantem Dubem, a von si to nemůže dovolit, aby sám šel k raportu”. (<i>Гашек</i>) Букв. ...он не может себе позволить один идти к рапорту.</p>
<p>Но ждет проситель день, другой, не приносят дела на дом, на третий тоже. Он в канцелярию, дело и не начиналось; он к драгоценному алмазу. «Ах, извините! – говорил Чичиков очень учтиво, схвативши его за обе руки, – у нас было столько дел; но завтра же все будет сделано завтра непременно, право, мне даже совестно!». (<i>Гоголь</i>) Ср.: <i>...право, мне даже неудобно.</i></p>	<p>Čekal však den, druhý, a když mu ani třetí den nic nepřišlo, jde do kanceláře – a tam ještě ani nezačali; běží tedy rovnou k vzácnému pokladu. “Promiňte prosím!” omluvil se přeuctive Čičikov a uchopil ho za ruce. “Měli jsme tolik práce, ale hned zítra to dáme do pořádku, zítra určitě. Tuze mě to mrzí, opravdu!” Букв. ...Это меня огорчает, право.</p>

На фоне русского концепта ‘совесть’ чешский концепт ‘svědomí’ и польский ‘sumienie’ предстают более рациональными. Если русск. *совестно* наглядно демонстрирует, что процесс пробуждения совести иррационален, управляется не человеком, а Богом, то в чешском и особенно польском языках существует довольно много устойчивых выражений, свидетельствующих о том, что совестью можно управлять и даже манипулировать. См. чешск. *řídít svým svědomím a vědomím* ‘управлять своей совестью и сознанием’¹¹; польск. *obudzić, poruszyć czyjeś sumienie* ‘раз-

будить, расшевелить чью-то совесть’, *przemówić komuś do sumienia* ‘проговорить, обращаясь к чьей-то совести’, *wstrzasnąć czyjś sumieniem* ‘встряхнуть чьей-то совестью’, *uśpić, zabić, zagłuszyć sumienie* ‘усыпить, убить, заглушить совесть’; чешск. *přehlušit, překřičet svědomí* ‘заглушить, перекричать совесть’¹².

Очень ярко различия в изображении переживания совести в русской и польской лингвокультурах демонстрирует сопоставление следующего фрагмента повести А. Пушкина «Капитанская дочка» в оригинале и польском переводе:

В русском оригинале	В польском переводе
<p>Я надел тулуп и сел верхом, посадив за собою Савельича. «Вот видишь ли, сударь, — сказал старик, — что я недаром подал мошеннику челобитье: вору-то стало совестно, хоть башкирская долговязая кляча да овчинный тулуп не стоят и половины того, что они, мошенники, у нас украли, и того, что ты ему сам изволил пожаловать; да все же пригодится, а с лихой собаки хоть шерсти клок». (Пушкин)</p>	<p>Włożyłem kozuch i siadłem na koń, sadzając Sawielicza za sobą. — Ot, i widzisz, panie, — rzekł piastun — nie na próżno podałem łotrowi suplikę: ruszyło sumienie bezecznika. Chociaż koścista klacz baszkirska i kozuch niewarte są nawet połowy tego, co ty sam raczyłeś mu ofiarować, wszakże przydadzą nam się w drodze; z kiepskiego psa chociaż sierści kłak. Букв.: <i>расшевелила совесть мерзавца.</i></p>

В русском тексте решение Пугачева предстает не столько как следствие челобитной Савельича, сколько как снизошедшее на него свыше. В польском тексте же это цепочка причинно-следственных отношений: Савельич подействовал на совесть Пугачева, а совесть заставила его надеть Гринева клячей и тулупом.

Еще один показатель «рациональности» совести в польской лингвокультуре — религиозный термин *rachunek sumienia* (букв. 'счет совести'). В нем использовано заимствованное из немецкого языка слово *rachunek*, употребляющееся обычно и для обозначения счета в финансовом смысле этого слова. Названный термин обозначает «процесс воспоминания, анализа собственных поступков, грехов, провинностей перед исповедью»¹³. По свидетельству носителей польского языка, в современном употреблении это словосочетание может обозначать и обычную работу совести, не обязательно связанную с религиозной исповедью.

По-видимому, бóльший рационализм польского концепта 'sumienie' объясняется не только и не столько принадлежностью польского языка к культурно-языковой зоне *Slavia Latina*, сколько этимологией соответствующей лексемы. Слово *sumienie* в древнепольском языке словообразовательно соотносилось с глаголом *samnieć się*, который не только имел значение 'колебаться, испытывать нерешительность', как совр. русск. *сомневаться*, но и 'возражать, сопротивляться, противоречить', а также

семантику иррационального страха 'бояться, тревожиться, беспокоиться, опасаться'. А. Брюкнер, подчеркивая в своем этимологическом словаре внутреннюю форму слова *sumienie*, выразился очень кратко, но емко: «*sumienie* — od *są* i *mnieć* 'mniemać tak i siak'»¹⁴, т. е. «совесть — это значит 'считать, полагать так и сяк'».

По данным автора «Нового этимологического словаря польского языка» К. Длугош-Курчабовой, древнепольский фонетический вариант этого слова *samnienie* мог под влиянием народной этимологии приобретать вид *sądmnienie*, т. е. буквально 'судмнение', 'то, что дает оценку, выносит суждение'¹⁵. Таким образом вербально подчеркивалась ценностная роль совести. *Sumienie* для польского сознания не только судья, но и свидетель. Об этом свидетельствуют приводимые в указанном словаре древнепольские пословицы *Sumienie świadek nieomylny, za wiele świadków stoi* 'Совесть — свидетель безошибочный, многих свидетелей заменит' и *Sumienie tysiąc świadków* 'Совесть — тысяча свидетелей'.

Итак, внутренняя форма польск. *sumienie* во многом повлияла на особенности этого концепта в польской лингвокультуре. Совесть вершит суд, является свидетелем (т. е. тем, кто знает о твоих мыслях), но одновременно, как и всякое мнение, она подвижна, ею можно управлять.

В русском сознании совестью человек наделяется свыше, муки совести также идут от Бога. В этом отношении весьма показа-

тельны две пословицы: польская *Co oko ciała, to sumienie duszy* ‘Совесьть для души, что глаз для тела’¹⁶ и русская *Глаза – мера, душа – вера, совесьть – порука*¹⁷. В соответствии с польской пословицей совесьть живет в душе и вместе с ней противопоставляется телу. Русская же пословица построена не по бинарной, а по тернарной модели: душа противопоставляется телу, а средством и залогом (*порукой*) их гармоничных отношений является совесьть, которая выводится как за пределы тела, так и за пределы души. Показательно в связи с этим, что в украинском языке, где понятие ‘совесьть’ передается двумя лексемами, слово *сумління*, заимствованное из польского, имеет «светскую» («прагматическую») ориентацию, тогда как лексема *совість*, восходящая к др.-русск. и ст.-сл. *сѣвѣсть*, – религиозную¹⁸.

Внутренняя форма чешск. *svědomí*, на первый взгляд, близка к русск. *совесьть*: оба слова образованы с помощью корня *věd-. Однако чешское слово образовано от страдательного причастия глагола *sěvděti – *sěvděmъ. Упрощенно говоря, различия между русск. *совесьть* и чешск. *svědomí* при-

мерно такие же, как между русск. *весть* и *ведомость*. Если *весть* – это знание, информация вообще, то *ведомость* – это информация, упорядоченная, освоенная и осмысленная сознанием, это *ведомая весть*. Аналогично русск. *совесьть* – это информация о нравственности, идущая извне (как мы убедились, свыше), тогда как чешск. *svědomí* – это информация о нравственности, усвоенная сознанием. Показательно, что это слово сходно как с чешской, так и с польской лексемами, обозначающими ‘сознание’ (ср. чешск. *vědomí* и польск. *świadomość*). Кроме того, во многом из-за схождения формы и семантики слов, обозначающих ‘совесьть’ и ‘сознание’, в чешском языке очень употребительно выражение *svědomí a vědomí* ‘совесьть и сознание’. В некоторых контекстах, например, *Pracovat podle svého nejlepšího svědomí a vědomí* (букв. ‘Работать в соответствии со своим наилучшим сознанием и совесьтью’) оно может сближаться по семантике с русск. *Не за страх, а за совесьть*. В целом же его значение шире. См., например, употребление этого выражение в современном чешском политическом дискурсе:

Чешский оригинал	Русский перевод
<p>Vždyt’ podle svědomí volit může</p> <p>Vždyt’ ten senátor podle toho svého svědomí a vědomí může volit tajně i veřejně. Při veřejné volbě mu nikdo jeho svědomí nebere, ani mu za to nemůže vzít poslanecký mandát. Jde o to, že my voliči bychom také rádi věděli jakého jsme si to zvolili poslance a senátora. Jestli on volí podle našeho vědomí a svědomí na co jsme ho hodínili svůj hlas. Jedině voliči v dalších volbách rozhodnou, zda respektují poslancovo a senátorovo vědomí a svědomí. Proto jsou ty volby. Voliči musí znát svědomí a vědomí svých volených poslanců a senátorů.</p> <p>http://www.ihned.cz/42-10073040-31634265-1-22907910-000000_d-55</p>	<p>Но ведь по совести голосовать можно</p> <p>Но ведь этот сенатор в соответствии со своей совесьтью и сознанием может голосовать как тайно, так и открыто. При открытом голосовании никто у него совести не отбирает и никто у него за это не может забрать мандат депутата. Речь идет о том, чтобы мы, избиратели, тоже знали, какого депутата или сенатора мы избрали. Если он голосует в соответствии с нашим сознанием и совесьтью, то мы именно за это отдали ему свой голос. Только избиратели во время дальнейших голосований решат, нравятся ли им сознание и совесьть депутатов и сенаторов. Для того и существуют эти голосования. Избиратели должны знать совесьть и сознание депутатов и сенаторов, за которых они голосовали.</p>

Показательно также, что русскому выражению *лезть кому-то в душу* в чешском языке соответствует *sahat někomu do svědomí* (букв. 'лезть кому-то в совесть').

Итак, вместилище совести в чешской лингвокультуре — душа и сознание. И только *управляя совестью и сознанием* (чешск. *řídít svědomím a vědomím*), можно избавиться от ее угрызений и страха, вызываемого ею.

«Внешнее» же расположение совести в русском сознании позволяет ее просто *отогнать* и тем самым избавиться от страха, как это происходит с пушкинскими братьями-разбойниками:

В товарищи себе мы взяли
Булатный нож да темну ночь;
Забыли робость и печали,
А совесть отогнали прочь.

Итак, образ совести, рисуемый в трех сравниваемых лингвокультурах, несмотря на сходство внутренней формы соответствующих лексем, оказывается весьма лингвоспецифичным.

В русской лингвокультуре *совесть* оказывается чем-то внешним как по отношению к телу, так и к душе человека (ср. русск. *Ему совестно*, где угрызения совести предстают навязанными свыше).

В польской и чешской лингвокультурах совесть предстает как более рациональное чувство, которым можно управлять (см. чешск. *řídít svým svědomím*, польск. *wstrząsnąć czylimś sumieniem*). Вместилищем совести в этих лингвокультурах является сознание (ср. очень частотное в чешском языке выражение *svědomí a vědomí* 'совесть и сознание').

Если русск. *совесть* — это информация о нравственности, идущая извне, в конечном счете — от Бога, то чешск. *svědomí* (< страдательного причастия *sъvědomъ) — это информация о нравственности, усвоенная сознанием. Особенность польского концепта *sumienie* на этом фоне в том, что совесть вершит суд (ср. народную этимологию *sądmienie*), является свидетелем твоих мыслей и поступков (см. *Sumienie świadek nieomylny, za wiele świadków stoi*), но одновременно, как и всякое мнение, она подвижна.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове // Бытие и быт. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. — С. 107.

² См. подробнее: Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: В 2 т. — М.: Русский язык, 1993. — Т. 2. — С. 184; Rejzek J. Český etymologický slovník. — Praha, 2001. — S. 617; Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. — Kraków, 2005 — S. 586–587.

³ Арутюнова Н. Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 55.

⁴ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979. — С. 312.

⁵ Колесов В. В. Указ. соч. — С. 111.

⁶ Арутюнова Н. Д. Указ. соч. — С. 63–64; Колесов В. В. Указ. соч. — С. 109.

⁷ Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: В 4-х т. — М.: Русский язык, 1989–1991. — Т. 4. — С. 257.

⁸ Там же.

⁹ Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. — М.: Языки славянских культур, 2006. — С. 285.

¹⁰ Там же. — С. 288–289.

¹¹ Чешско-русский словарь: В 2 т. — 2-е изд., стереотип. — М.; Прага, 1976. — Т. 2. — С. 390.

¹² Słownik języka polskiego / Red. naukowy M. Szymczak: W 3 t. — Warszawa, 1981. — Т. 3. — S. 379.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

¹³ Там же.

¹⁴ *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974. – S. 526.

¹⁵ *Długosz-Kurczabowa K.* Nowy słownik etymologiczny języka polskiego. – Warszawa: PWN, 2003. – S. 475–476.

¹⁶ Там же. – С. 476.

¹⁷ *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1989–1991. – Т. 4. – С. 257.

¹⁸ *Арутюнова Н. Д.* Указ. соч. – С. 72.